

PAST INDEFINITE: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПОЛИТИКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

А.Е. Иванеско, А.Т. Урушадзе

Аннотация. Дискуссия посвящена проблемам исторической памяти и мемориальной политики на Северном Кавказе. Участники обсуждают несколько взаимосвязанных вопросов. Во-первых, участники дискуссии пытаются определить причины регулярной актуализации прошлого в политическом и публичном дискурсе региона. Во-вторых, дискуссанты выявляют символическую эффективность использования прошлого в качестве политического ресурса. В-третьих, оценивают перспективы завершения историографических войн. В-четвертых, обсуждают необходимость мемориальной политики на Северном Кавказе. В-пятых, рассуждают о том, как этническая память различных народов Северного Кавказа соотносится с большим нарративом Российской истории.

Ключевые слова: Северный Кавказ, историческая память, историческая политика, Кавказская война.

Иванеско Антон Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, a.ivanesco@yandex.ru.

Урушадзе Амиран Тариелович, кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д.105/42, aturushadze@sfedu.ru.

THE PAST INDEFINITE: HISTORICAL MEMORY AND POLITICS IN THE NORTH CAUCASUS

A.E. Ivanenko, A.T. Urushadze

Abstract. The discussion is devoted to the problems of historical memory and memorial policy in the North Caucasus. Participants discuss several interrelated issues. First, the participants of the discussion try to determine the reasons for the regular updating of the past in the political and public discourse of the region. Second, the debaters reveal the symbolic effectiveness of using the past as a political resource. Third, they assess the prospects for the end of historiographical wars. Fourth, they discuss the need for a memorial policy in the North Caucasus. Fifth, they talk about the correlations between the ethnic memory of the various peoples of the North Caucasus and the great narrative of Russian history.

Keywords: North Caucasus, historical memory, historical policy, Caucasian war.

Ivanenko Anton E., Candidate of Science (History), Associate Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, a.ivanenko@yandex.ru.

Urushadze Amiran T., Candidate of Science (History), Associate Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, aturushadze@sfned.ru.

Очень жаль, если не соберутся великие имена свободы Дагестанской, свободы галлов до кесаря, свободы азиатской Швейцарии, для потомства и истории. Желательно, чтоб героям горной войны Кавказской Илиады в продолжение многих десятков лет, была бы отдана должная честь. История должна быть беспристрастна.

Она великодушнее людей, враголюбива.

Платон Иоселиани. Путевые записки
по Дагестану в 1861 году.

Краткое предисловие

Прошлое, как известно, уходит безвозвратно и судить о нем нам остается только по следам, оставленным его бурным или, напротив, тихим потоком. Перед нами предстает лишь часть картины, невозможно сложить паззл прошлого, используя только оригинальные компоненты. Пропуски, лакуны истории заполняют собственными интерпретациями того, что оставило ушедшее от нас прошлое. Именно поэтому каждый раз история того или иного события, явления или личности выходит новой, словно заново сложенной из деталей-остатков. Иногда вместо научной интерпретации используются политико-идеологические конструкты, призванные доказать преимущественные права на историю определенной социальной или этнической группы. В этом случае прошлое становится одним из полей политических столкновений.

Историческое прошлое народов Северного Кавказа не раз становилось предметом манипуляций в угоду политическому моменту. История здесь часто подвергалась «этнической мобилизации». Многочисленные конфликты, возникавшие в регионе в постсоветскую эпоху, почти всегда сопровождались появлением новых версий прошлого, которые символически легитимировали очередной виток насилия.

Профессиональное сообщество оказалось не в силах противостоять волне исторического презентизма. Среди историков разгорелась ожесточенная «кавказская война историографий», которая, как и Кавказская война XIX столетия, отличается беспрецедентной длительностью.

Противостояние Российской империи и горцев, длившееся по разным оценкам от полутора веков до пятидесяти лет, оставило трагический след в историческом сознании коренных народов региона. Для адыгов Кавказская война завершилась демографической катастрофой, именуемой мухаджирством, не менее полумиллиона черкесов покинули землю предков. 21 мая – День памяти адыгов – жертв Кавказской войны и насильственного выселения – важнейшая дата как для российских адыгов, так и для многочисленной черкесской диаспоры. Самые многочисленные памятные мероприятия в этот день проходят в столице Кабардино-Балкарии Нальчике. С самого утра люди собираются в сквере Свободы у

мемориала «Древо жизни». Его переплетенные ветви символизируют единство двенадцати адыгских племен. Схожие памятные мероприятия проходят в Карачаево-Черкессии, Адыгее и Краснодарском крае.

За пределами национальных республик Северного Кавказа почти ничего не напоминает россиянину о покорении Кавказа, которое далось империи Романовых экстремальным напряжением сил и ценой большой крови. Университетские учебники сообщают о Кавказской войне коротко, облекая ее трагическое содержание в бесформенные одежды небольших параграфов «Кавказ и Россия», «Россия на Кавказе». В школьных учебниках до Кавказской войны не дотягивается даже подстрочник.

Все эти многочисленные противоречия исторической памяти и мемориальной политики на Северном Кавказе стали вопросами, которые были предложены участникам дискуссии. Мы не надеемся преодолеть неопределенность северокавказского прошлого, но уверены, что публикуемая дискуссия поможет найти ее причины и следствия.

Эпиграфом к дискуссии стали слова историка П.И. Иоселиани, которые как актуальны и сегодня. История Северного Кавказа и Кавказской войны как ее центрального события по-прежнему нуждаются в глубоком изучении. Последней концептуальной работой о Кавказской войне стала книга М.М. Блиева и В.В. Дегоева (Кавказская война. М., 1994), вышедшая в свет двадцать четыре года назад.

Современная наука невозможна без полноценной научной коммуникации, свободной от стереотипов и «партийности». Признавая это, мы пригласили к участию в дискуссии ученых, профессиональные взгляды которых разнятся. Что из этого получилось — судить заинтересованному читателю.

Вопросы дискуссии:

1. Почему прошлое региона регулярно актуализируется в политическом и публичном дискурсе?
2. Каковы эффекты (политические, общественно-психологические, историографические) использования прошлого в качестве символического ресурса федеральными и региональными властями?
3. Закончилась ли «кавказская война историографий»? Возможно ли ее окончание?
4. Какая мемориальная политика нужна современному Северному Кавказу? И нужна ли она вообще?
5. Как этническая память различных народов Северного Кавказа соотносится с большим нарративом Российской истории? Можно ли говорить о случае коммеморативной асимметрии?

Участники:

Алексей Абазов – д.и.н., старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории, Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»;

Юрий Клычников – д.и.н., профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета;

Евгений Кричко – д.и.н., главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН»;

Вероника Цибенко – к.и.н., директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований Южного федерального университета;

Виктор Шнирельман – д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Память во имя мира

А.Х. Абазов

Memory for the World

A.Kh. Abazov

1. Почему прошлое региона регулярно актуализируется в политическом и публичном дискурсе?

Полагаю, что прошлое региона не только может регулярно актуализироваться в политическом дискурсе, а во многом должно являться его неотъемлемой частью. Ответ на вопрос «почему» кажется достаточно очевидным – в рамках исторической политики государства прошлое выступает одним из механизмов конструирования коллективной (в данном случае, общегражданской) идентичности и мобилизации национальной солидарности.

Актуализация прошлого региона в публичном дискурсе как на современном этапе, так и в исторической ретроспективе обусловлена целым рядом эндогенных и экзогенных факторов. Среди них такие, как: доказательство автохтонного происхождения, поиски учредительного события как основы формирования национальной государственности, реакция на внутри- и внешнеполитические вызовы.

Абазов Алексей Хасанович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», 360003, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Пушкина, д. 18, alex_abazov@list.ru.

Abazov Alexey Kh., Doctor of Science (History), Senior researcher of the Sector of Medieval and Modern history of the Institute of Humanitarian studies – branch of the Federal state budgetary scientific institution Federal scientific center “Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, 18, Pushkin street, Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, 360003, Russia, alex_abazov@list.ru.

2. Каковы эффекты (политические, общественно-психологические, историографические) использования прошлого в качестве символического ресурса федеральными и региональными властями?

В настоящее время на Северном Кавказе наблюдается определенный разрыв в использовании федеральными и региональными властями прошлого в качестве символического ресурса власти. Выражаю солидарность с исследователями, которые придерживаются позиции, что государство «в ряде случаев потеряло инициативу в политике памяти», что ведет к постепенной фрагментации «исторической памяти, когда групповые (в том числе и этнические) варианты исторической памяти развивались вне связи с общим нарративом, порой в конфронтации с ним» [Миллер, 2014]. В случае с северокавказским регионом эта проблема видится достаточно актуальной и требующей специального исследования.

3. Закончилась ли «кавказская война историографий»? Возможно ли ее окончание?

«Кавказская война историографий» — условный неопределенный концепт. Наличие полярных оценок исследователями одних и тех же исторических событий или «недоговоренность» по вопросам, скажем, периодизации травмирующих коллективную память процессов вряд ли можно однозначно назвать «войной историографий», аномалией и чем-то необычным для современного этапа развития гуманитарного знания. Причиной этого является не столько позиция отдельного ученого, группы ученых, устоявшаяся в конкретной местности историографическая традиция или сложившийся в условиях смены в стране политического режима идеологический плюрализм, сколько недостаточное на данный момент понимание проблем коммеморации, отсутствие комплексной стратегии исторической политики государства, различные подходы в использовании памяти как символического ресурса власти на федеральном и региональном уровнях. Именно в этом во многом и видится основа «окончания» «кавказской войны историографий».

4. Какая мемориальная политика нужна современному Северному Кавказу? И нужна ли она вообще?

Нужна, безусловно.

Полагаю, что устоявшееся понимание «исторической политики» в форме комплекса методов утверждения определенных интерпретаций прошлого как доминирующих в руках политической элиты является контрпродуктивным в отношении северокавказского региона. «Мемориальная политика» на современном Северном Кавказе может быть вполне эффективно направлена на поиски максимально комфортных форм партнерства государства и общественности, имеющих целью сглаживание или полное нивелирование негативных последствий от «незаживающих травм» исторической памяти. У народов этого региона великое множество больших достижений и побед, равно как и трагических событий. Это ни в коем случае не должно вымываться из их коллективной памяти. И государство, и общество

только выиграют от того, если как можно больше позитивных образов прошлого будет заложено в основу формирования этнокультурных брендов современности. Кроме того, все это вполне может быть использовано и при реализации положения «майского указа» Президента 2018 г., ориентированного на укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов данного региона.

5. Как этническая память различных народов Северного Кавказа соотносится с большим нарративом Российской истории? Можно ли говорить о случае коммеморативной асимметрии?

Коллективная память народов Северного Кавказа и российский исторический нарратив – трудно сопоставимые величины. Поэтому и говорить о «коммеморативной асимметрии» в данном случае также сложно. Считаю, что асимметрия предполагает некоторое противопоставление, сравнение схожих объектов по одинаковому набору типологических характеристик. А в нашем случае на современном этапе развития общества и государства их соотношение (если предельно упростить свой ответ) может быть охарактеризовано как часть и целое. Однако, нельзя не учитывать, что каналы формирования коллективной памяти различных народов Северного Кавказа затрагивают как периоды их существования до включения в состав России, так и после.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Миллер А.И. Политика исторической памяти как основа формирования коллективной идентичности и воспитания деятельного патриотизма. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2014/02/04strategy21_vospit.pdf (дата обращения – 01 июня 2018 г.).

REFERENCES

Miller A.I. *Politika istoricheskoy pamyati kak osnova formirovaniya kollektivnoj identichnosti i vospitaniya deyatel'nogo patriotizma* [The policy of historical memory as a basis for the formation of collective identity and education of active patriotism]. Available at: http://svop.ru/wp-content/uploads/2014/02/04strategy21_vospit.pdf. (accessed 1 June 2018) (in Russian).

Память как политический инструмент и проблемы безопасности южнороссийского макрорегиона

Ю.Ю. Клычников

Memory As a Political Tool and Security Problems of the South Russian Macroregion

Yu.Yu. Klychnikov

1. Почему прошлое региона регулярно актуализируется в политическом и публичном дискурсе?

В настоящее время апелляция к прошлому позволяет мобилизовать население для решения определенных социально-политических задач. Горские элиты Северного Кавказа и раньше, и теперь достаточно эффективно используют подобный «инструмент», чтобы, шантажируя федеральный центр возможной или реальной дестабилизацией ситуации, получать для себя новые преференции. Этим среди прочего объясняется и увлеченность «презентивной историей», которую ряд современных исследователей считает второстепенным занятием, забирающим непропорциональные ресурсы.

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета, 357532, г. Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, 9, klichnikov@mail.ru.

Klychnikov Yuriy Yu., Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of Historical and Socio-philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University, 9, Kalinina Ave., Pyatigorsk, Stavropol region, 357532, Russia, klichnikov@mail.ru.

В этой связи призывы отказаться от конфронтационной оценки событий прошлого будут отторгаться, так как не соответствуют потребностям значительной части местных лидеров, чей статус в немалой степени определяется возможностью распределения среди своих соплеменников средств, получаемых от центра. Кроме того, российский период местной истории, наиболее изученный и персонифицированный (кстати, благодаря российским источникам и науке), вряд ли легко может быть переоценен в ущерб собственному «героическому имиджу». Наиболее конкурентный вид деятельности, который продемонстрировал Кавказ, вплотную войдя в соприкосновение с российской государственностью, был связан с военным ремеслом. Здесь горцы имели немало достижений, которые, естественно, должны были стать предметом законной гордости. Попытка показать и другие стороны русско-северокавказской интеграции, где успехи и вклад автохтонов, прямо скажем, были не столь впечатляющи, вызывает понятное отторжение как покушение на героическое прошлое.

Впрочем, этот вывод не должен возводиться в абсолют. В отечественном кавказоведении, независимо от складывающейся идеологической конъюнктуры, всегда находятся исследователи — представители северокавказских народов, у которых российская идентичность органично сочетается с идентичностью национальной. Они выступают за изучение интегративных факторов, настаивают на том, что сюжетам мирного сосуществования народов надо уделять больше внимания, чем истории их вражды.

2. Каковы эффекты (политические, общественно-психологические, историографические) использования прошлого в качестве символического ресурса федеральными и региональными властями?

С помощью таких шагов можно добиться как роста интеграционных настроений, так и напротив — сформулировать идею «осажденной врагами крепости», призвав этнос к сплочению для ответа враждебным вызовам.

Интерес к Кавказу в российском обществе и в академической науке далеко не всегда имел приоритетное значение. Актуализация этой проблемы на настоящем этапе связана с драматическими событиями конца XX — начала XXI столетий, непосредственными участниками которых стали десятки тысяч людей. Да и для тех, кто узнавал о происходящих на Юге событиях только из средств массовой информации, становилось очевидным, что распахнувшийся «ящик Пандоры» в любой момент может обрушиться на них своими бедами.

Вспыхнувший на Кавказе пожар пришлось тушить всей страной, заливая его кровью и финансовыми потоками. Уничтожая «непримиримых», привлекая, а нередко и покупая лояльность готовых к компромиссу местных лидеров, власть сумела стабилизировать ситуацию и не позволила пройти «точку невозврата», после которой распад России стал бы свершившимся фактом. Но были ли устранены причины, породившие этот структурный кризис? Ответ, увы, будет отрицательным. Видимо, в наступившем веке регион останется одним из главных раздражителей в жизни России.

Представляется, что позиции российского государства в регионе были в не-малой степени утрачены, а их восстановление займет не одно десятилетие. Экономические, политические, социокультурные неурядицы будут усугубляться неблагоприятной внешнеполитической конъюнктурой. То, что «террористический интернационал» успешно рекрутирует здесь новых сторонников, лишний раз говорит о далеко не благополучном положении в местных обществах. В качестве пропагандистских инструментов выступают примеры из прошлого, связанные с вооруженным противостоянием части горцев России.

Лояльность местных северокавказских элит Москве относительна и в случае новых политических катаклизмов, скорее всего, будет утрачена. Недавние вооруженные конфликты на территории Северного Кавказа, продемонстрировали, что горская архаика отнюдь не исчерпала своего потенциала и легко возвращается в повседневность, заставляя вспомнить такие, казалось бы, давно ушедшие явления как набег, плен и рабство, этническая клановость.

Утратив монополию на насилие, государство, по крайней мере, пока вынуждено смириться с тем, что этот инструмент воздействия на общество оказался в руках местных лидеров, применяющих его для закрепления собственного статуса. Они являются одними из заказчиков конфронтационной трактовки истории.

Популярность идей сепаратизма приобрела латентные формы и прорывается в «войнах памяти», когда на прошлое русско-северокавказских отношений пытаются смотреть сквозь призму конфликтных сюжетов. Такой подход позволяет держать этнос в состоянии высокой мобилизационной готовности, что является серьезным аргументом в диалоге с государством. Это стало одной из причин того, что попытки использовать позитивные сюжеты совместного прошлого в качестве парадигмы русско-северокавказских отношений нередко воспринимаются негативно, а образ врага зачастую становится стержнем этнической истории.

Есть серьезная опасность, что «кавказофобию» в политических целях будут использовать и в русской среде. В случае ухудшения социально-экономической ситуации, с ее помощью можно будет переориентировать внимание этнического большинства на борьбу с «внутренним врагом» — как подлинным (в частности, противодействуя сторонникам радикальных религиозных движений), так и вымышленным.

В истории нашей страны народы сплачивала либо общая, мессианская по своей сути, созидательная сверхзадача, либо общая беда. Последний вариант, хочется верить, не случится.

3. Закончилась ли «кавказская война историографий»? Возможно ли ее окончание?

Нет, не закончилась и не закончится, хотя можно и нужно снизить накал конфронтационности.

В нашем понимании «кавказская война историографий» явление гораздо более широкое, нежели только трактовка событий, связанных с происходящими в регионе военно-политическими столкновениями первой половины XIX в. Сюда правомочно отнести интерпретацию событий Гражданской и Великой Отечественной войны, особенно сюжетов, касающихся массовых переселений местных народов и т.п. Но чаще всего подразумевается именно системный кризис в русско-горских отношениях, условно обозначаемый как «Кавказская война». Хотя сам термин далеко не оптимально отражает те многофакторные процессы, имевшие место в крае, и напоминает скорее публицистический штамп из серии «битва за урожай», нежели научную дефиницию.

Обширная историография, которая связана с событиями так называемой «Кавказской войны», уже сама по себе свидетельствует о том интересе, который сохраняется в обществе к этому явлению. Современники и участники многогранных военно-политических, социокультурных, экономических процессов, происходивших в регионе преимущественно в первой половине XIX столетия, уже пытались осмыслить причины и суть этого эпохального феномена. Но даже по мере затухания сполохов военного противостояния говорить о том, что произошедшее явление начали трактовать «sine ira et studio» не приходится. Кавказоведческий мейнстрим неоднократно разворачивался в противоположную сторону, и вчерашние герои становились врагами и преступниками, а то, что считалось благом, начинали клеймить позором. Одно только это явление заслуживает самостоятельного монографического исследования. История «Кавказской войны» упорно не становилась историей. Будучи всегда востребована современной политической практикой, она каждый раз подтверждала крылатое выражение М.Н. Покровского о том, что является политикой, опрокинутой в прошлое.

Болезненный переход в постсоветский мир вызвал всплеск интереса к «славному прошлому» на фоне достаточно унылого настоящего. Не стали исключением и сюжеты, связанные с историей вхождения (включения, присоединения, завоевания, поглощения, интеграции и т.д. — в зависимости от взглядов автора-исследователя) Кавказа в состав Российского государства. И без того глубокий структурный кризис в условиях региона оказался отягощен межэтническими и конфессиональными противоречиями, к которым оказалась не готовы не только власти, но и простой обыватель, воспитанный на идеалах интернационализма. На смену примиряющему идеологическому универсализму в духе солидарности трудящихся, для которого не существовало «ни эллина, ни иудея», приходили иные мировоззренческие догматы, призванные сплотить и консолидировать уже не все общество, а лишь этнически (в меньшей степени конфессионально) близких соплеменников. В такой ситуации сюжеты «Кавказской войны» не могли не быть востребованы в качестве примеров доказательства своей «исторической правоты». Параллельно шел процесс демонизации взглядов оппонентов, не согласных с предлагаемыми комплиментарными трактовками прошлого.

Утомительная, а главное — эвристически непродуктивная «война историографий», будучи неотъемлемой составляющей «войн памяти», то затихая, то вновь усиливаясь, сохраняется и поныне. Ее отличительная особенность заключается в том, что она не

ограничивается рамками научного дискурса, а выплескивается «на площади», становится одним из востребованных элементов политической практики. Осторожный оптимизм порождает то, что немалая часть кавказоведов приходит к осознанию бесперспективности ее продолжения. Но и обольщаться по этому поводу не стоит. В случае возникновения необходимости в этнической мобилизации, ситуация может кардинально измениться, и мы вновь увидим превалирование конфронтационных трактовок общего прошлого. При всем желании специалистов (в том числе профессиональных историков) заявить об отсутствии этнических, конфессиональных, ментальных и т.п. пристрастий, те неминуемо будут проявляться и оказывать определенное воздействие на мировоззрение. Выбравшие для себя эту научную стезю должны быть готовы к когнитивному диссонансу при оценке изучаемых событий.

4. Какая мемориальная политика нужна современному Северному Кавказу? И нужна ли она вообще?

Практическая востребованность исторических сюжетов в воспитательно-мобилизационных целях просматривается в том процессе мемориализации, который мы можем повсеместно наблюдать на Северном Кавказе. Нередко он имеет этнически выраженный характер и служит средством формирования идентичности, в том числе акцентируя внимание на «исторических обидах». Отсюда интерес, условно говоря, «горского мира» к увековечению сюжетов, связанных с последствиями военных столкновений и мухаджирства XIX в., с депортациями XX столетия.

Если говорить о «русских визави», то здесь, безусловно, можно вспомнить о прославлении заслуг А.П. Ермолова — знаменитого «проконсула Кавказа», известного своими жесткими мерами по обузданию горских «хищничеств». И раньше мы сталкивались с различными ермоловскими годонимами и урбанонимами, но они скорее были данью его заслугам по колонизации и хозяйственному обустройству края. Появившиеся в последнее десятилетие памятники — внимание к военным победам А.П. Ермолова на Северном Кавказе. Такой интерес следует связать с ситуацией в Чеченской Республике, которая в результате прихода к власти криминально-террористического режима де-факто вышла на некоторое время из российского правового пространства и подверглась дерусификации. Исход русского населения при попустительстве федеральных властей наблюдается и в других северокавказских республиках. Не находя сочувствия и помощи у современных власть имущих, люди ищут моральную поддержку в примерах прошлого. И здесь образ не знавшего поражений brutального генерала играет важную мобилизующую роль в защите этнических прав населения. Памятники ему установлены в Ставрополе, Пятигорске, Минеральных Водах. Аналогичную смысловую нагрузку несут памятники и другим участникам вооруженного противостояния — Г.Х. Зассу, П.М. Лазареву.

Реакция со стороны части горского населения сопредельных субъектов оказалась весьма болезненной. Звучали обвинения в разжигании межнациональной розни, в пропаганде насилия и т.п. Зафиксированы случаи вандализма по отношению к памятникам.

Возможно ли преломить такую ситуацию и использовать ресурс исторической памяти для консолидации населения региона? Однозначный оптимистичный прогноз маловероятен. Для значительной части населения Северного Кавказа из числа горцев имам Шамиль и плеяда его соратников останутся героями, долгое время противостоявшими России. Найти альтернативу легендарному предводителю сложно. Имеющиеся яркие по местным меркам личности явно уступают по популярности третьему имаму Чечни и Дагестана, ставшему региональным лидером, известность которого вышла далеко за пределы Кавказа. Наивно ожидать, что при этом «русский мир» не сможет выдвинуть своей альтернативы таким примерам.

Если говорить об усилиях, связанных с поиском межэтнического позитива в прошлом, то здесь необходимо отдавать предпочтение таким темам, которые ассоциируются с интеграционными процессами, формированием общего политического, экономического и культурного пространства. Увлеченность «войной памяти», безусловно, сохранится, но, по крайней мере, у неё будет зримая альтернатива. Следует отдавать предпочтение сюжетам, в которых показана инкорпорация горцев в державное пространство (успешная карьера на военной или гражданской службе, в сфере культуры и т.п.). Тем более таких примеров – множество в самые разные периоды русско-северокавказской истории.

5. Как этническая память различных народов Северного Кавказа соотносится с большим нарративом Российской истории? Можно ли говорить о случае коммеморативной асимметрии?

Большой нарратив Российской истории не является чем-то единым, а потому в нем можно найти пласты, перекликающиеся с этнической памятью народов Северного Кавказа. При этом следует помнить, что сама этническая память (или *folk history*) весьма избирательна, благожелательна к «своим» и склонна к демонизации оппонента и соперника.

В большом державном нарративе народы Северного Кавказа ищут собственную нишу, в целом оставаясь нейтральными (возможно, даже равнодушными) к тем сюжетным линиям, участниками которых их предки непосредственно не были. В этом отношении, безусловно, существует коммеморативная асимметрия, но это естественно и характерно не только для Северного Кавказа. История страны – это не только история ее центра, но и провинции, периферии, тем более этнически неоднородной. Интерес к общей истории многонародного государства вряд ли перевесит интерес к прошлому собственного этноса. Это особенно заметно по региональному компоненту в учебной исторической литературе, где история современного субъекта нередко подменяется историей титульного народа. Существует не теряющий своей актуальности запрос на позитивный этнический миф, который формируется и поддерживается не только в народной исторической памяти, но и усилиями местных интеллектуалов, занимающихся историей на профессиональной основе.

Прошлое под контролем: историческая политика на Северном Кавказе¹

Е.Ф. Кринко

The Past Is Under Control: the Historical Policy In the North Caucasus

E.F. Krinko

1. Почему прошлое региона регулярно актуализируется в политическом и публичном дискурсе?

Развитие научного знания предполагает постоянную смену научных парадигм, появление новых подходов и оценок исторических событий. Если в советское время история региона рассматривалась преимущественно сквозь призму господствовавшего классового подхода, то сегодня более востребованы другие направления научного поиска и методы объяснения прошлого. Среди них цивилизационный подход и историческая антропология, теория фронта и история повседневности, микроистория и многие другие. Использование новых подходов позволяет переосмысливать ранее разрабатываемые сюжеты, ставить и решать новые научные проблемы. Поэтому исследование истории Северного Кавказа представляет собой историографический процесс со своими спадами и подъемами, ослаблением и оживлением внимания к тем или иным исследуемым проблемам. Разумеется, на него оказывают воздействие различные факторы, не только научные, но и политические, поскольку наука не может развиваться вне определенного социального контекста.

Кринко Евгений Федорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН», 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41, krinko@ssc-ras.ru.

Krinko Evgeny F., Doctor of Science (History), Chief Researcher, Federal Research Center «Southern Scientific Center of Russian Academy of Science», 41, Chekhov Ave., Rostov-on-Don, 344006, Russia, krinko@ssc-ras.ru.

¹ Публикация подготовлена в рамках государственного задания ЮНЦ РАН на 2018 г. «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации» (№ госрегистрации АААА-А16-116012610049-3).

Использование прошлого Северного Кавказа в публичной сфере неизбежно приобретает политическое значение, как и все, что в ней происходит, пишется и говорится, потому что она выступает сферой реализации именно политических ценностей и интересов. В то же время грани между профессиональной, исследовательской и публичной, политической сферами сегодня практически размыты. Все чаще политики используют историю для реализации своих целей, навязывая определенные версии и интерпретации событий прошлого в качестве доминирующих представлений обществу, а историки прямо или косвенно вовлекаются в политические процессы. Все чаще факты прошлого оцениваются с современных позиций, а не в контексте определенной исторической эпохи. Появляются новые формы презентаций исторических знаний широким массам, для участия в которых становится необязательным профессиональное историческое образование и тем более работа по специальности. Э.А. Шедужен отмечает значительный «масштаб вторжения в научные проблемы дилетантов и политически ангажированных “специалистов”, агрессивно навязывающих обществу “свои” версии событий на Кавказе» [Шедужен, 2010, с. 119]. «Обремененные» не только более глубокими знаниями предмета своих исследований, но и технологиями его постижения и уже потому обычно более осторожные в оценках, историки уступают в этой своеобразной конкуренции непрофессионалам, предлагающим простые, популистские ответы и способы решения исторических задач. Это ведет к изменению статуса самой профессии историка и утрате его влияния в обществе.

Наряду с указанными общими обстоятельствами актуализация интереса к истории Северного Кавказа обусловлена и рядом специальных причин. Среди них необходимо отметить длительное умолчание о многих исторических событиях и личностях, а также очевидную зависимость их оценок от политических факторов, превалирование пропагандистских клише и идеологических догм (достаточно вспомнить трансформацию представлений о Шамиле в советской историографии). Обращают на себя внимание и ментальные особенности северокавказских социумов с их обостренным отношением к прошлому, особенно к таким трагическим событиям, как войны, принудительные переселения и другие социальные катаклизмы, угрожавшие самому существованию сравнительно немногочисленных этносов.

2. Каковы эффекты (политические, общественно-психологические, историографические) использования прошлого в качестве символического ресурса федеральными и региональными властями?

Память об общей истории и культуре, общих трагедиях, достижениях и победах позволяет испытывать чувство общности исторической судьбы и является основой для формирования национального и этнического самосознания. Поэтому прошлое выступает важным ресурсом, контроль над которым позволяет мобилизовать общество на решение тех или иных внутри- и, особенно, внешнеполитических задач.

В отечественной историографии немало внимания уделяется тому, как выработывались внешнеполитические стереотипы и какую роль они играли в истории

российского общества [Чугров, 1993; Фатеев, 1999; Оболенская, 2000 и др.]. В частности, на базе Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН ежегодно с 1994 г. проводится междисциплинарный научный семинар по истории взаимовосприятия культур «Россия и мир глазами друг друга», издаются сборники материалов [Россия и Европа, 1996; Россия и внешний мир, 1997; Россия и Запад, 1998; Россия и мир, 2000; Россия и мир, 2002; Россия и мир, 2006; Россия и мир, 2007; Россия и мир, 2008; Россия и мир, 2009; Россия и мир, 2012; Россия и мир, 2016; Россия и мир, 2017]. Широко разрабатываются исследователями вопросы формирования представлений о «враждебном капиталистическом окружении» в советское время [Сенявская, 2006; Голубев, 2008; Голубев, Поршнева, 2012; Голубев, Невежин, 2016; Голубев, 2018 и др.].

В российском публичном пространстве внимание обычно акцентируется на положительной роли государства в развитии отдельных народов и территорий, общности их исторического пути и вклада в различные достижения страны. При этом нередко замалчиваются негативные явления и процессы (например, переход части советских граждан на сторону противника в годы Великой Отечественной войны). Одним из наиболее острых противоречий мемориальной политики и мемориальной культуры, унаследованной из предыдущей эпохи, было противопоставление имперского и советского исторического опыта, долгие годы принимавшее форму отрицания значимости одного и апологии другого. В 1990-е гг. изменения в оценках нередко принимали упрощенную форму их замены на противоположные.

В последние годы стремление к преодолению острых разногласий между сторонниками и противниками императорской и советской России выражается в сочетании таких ранее противопоставлявшихся символов и символических акций, как двуглавые орлы и красные звезды, российский триколор и знамя Победы, мавзоль Ленина и перезахоронение останков царской семьи. Однако мемориальные конфликты свидетельствуют, что достигнуть общественного согласия в отношении к прошлому пока не удастся. В первую очередь, эти конфликты связаны с событиями и участниками Великой Отечественной войны, которая была и остается главным местом памяти российского, как и прежде советского общества, а на региональном уровне — с Кавказской войной и депортацией части народов Северного Кавказа. Напротив, Российская революция 1917 г., ранее вызывавшая идеологический раскол в обществе, становится уходящим в прошлое историческим событием и воспринимается вследствие этого более спокойно, что и показали миновавший 100-летний юбилей и связанный с ним цикл научных мероприятий.

За обращением к истории Северного Кавказа нередко скрывается стремление отвлечь общественное внимание от современных проблем в его развитии (острые территориальные и земельные споры и противоречия, неурегулированные этнополитические конфликты, низкие темпы социально-экономического развития, высокий уровень коррупции и клановая структура общества, угрозы терроризма и другие) или переложить ответственность за то, что эти проблемы не решаются, на других. Это было особенно характерно для 1990-х гг., когда виновными нередко

оказывались ближние или дальние соседи, а также Российское государство, история взаимоотношений с которыми, действительно, наполнена трагическими событиями, но не сводится только к ним. Составлялись даже своеобразные списки «врагов» — например, правителей России, генералов и офицеров русской армии как «палачей адыгского народа» [Земля адыгов, 1996, с. 624–625].

В 2000е гг. выражать подобные взгляды в публичной сфере стало политически нежелательно. Но они не исчезли полностью, а переместились в социальные сети как менее регламентированное коммуникативное пространство. В то же время сама возможность привлечения к юридической ответственности за те или иные исторические взгляды и оценки, превращение споров о прошлом в предмет судебных разбирательств представляют значительную опасность для развития исторической науки в целом.

3. Закончилась ли «кавказская война историографий»? Возможно ли ее окончание?

Дискуссии по различным проблемам истории Северного Кавказа будут продолжаться, пока они будут оставаться предметом научного изучения. Каждое новое поколение исследователей будет задавать собственные вопросы прошлому и получать на них свои собственные ответы. Другой вопрос — сам формат научных дискуссий: в 1990е гг. они приобрели характер острого идеологического и политического противостояния.

Как придать «боям за историю» форму научного диалога, участники которого будут выслушивать и уважать чужое мнение? Показателен опыт работы над серийным изданием «История народов Северного Кавказа» в самом конце советской эпохи. В ней приняли участие лучшие историки региона, Москвы и Ленинграда. Научным руководителем проекта был академик А. Л. Нарочницкий, в то время — директор Института истории СССР Академии наук СССР (сейчас — Институт российской истории РАН), а заместителем руководителя и одним из главных инициаторов издания — член-корреспондент Ю.А. Жданов, ректор Ростовского государственного университета. Представительный состав авторов и редакторов позволил создать крупный фундаментальный труд в соответствии с существовавшей тогда исследовательской методологией и господствовавшими в историографии оценками. И все же в ходе работы возникало немало противоречий, как правило, «снимавшиеся» в ходе совместного обсуждения авторами и редакторами разделов, а если сторонам так и не удавалось договориться между собой, то вмешивалась Москва. Не все удавалось быстро и просто решить: доходило до того, что отдельные авторы обращались с жалобами в различные инстанции вплоть до ЦК КПСС [Интервью, 2017]. Тем не менее, по итогам пятилетней работы удалось издать два первых тома серии [История народов Северного Кавказа с древнейших времен, 1988; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.), 1988]. Выходу двух последующих помешали кардинальные перемены в общественно-политической жизни страны, появление принципиально новых подходов и оценок истории Северного Кавказа, вследствие чего их содержание безнадежно устарело.

В настоящее время многие историки говорят о необходимости создания нового обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа. Одним из главных инициаторов по этому вопросу выступает Академия наук Чеченской Республики во главе с Ш.А. Гапуровым. Но реализации данного проекта сегодня в немалой степени мешает пресловутая «кавказская война историографий». Очевидно, что общий накал дискуссий между северокавказскими историками в последние годы снизился под влиянием общих тенденций в развитии науки и общества. Немало сил налаживанию научных коммуникаций отдал ушедший из жизни в 2018 г. В.В. Черноус, по инициативе которого в течение пяти предыдущих лет в Ростове-на-Дону проводились форумы историков-кавказоведов. На втором из них был принят этический кодекс кавказоведа, призванный способствовать нормализации взаимоотношений между историками, конструктивному исследованию фундаментальных и актуальных научных проблем. Но достигнуть компромисса историкам Северного Кавказа сейчас значительно сложнее, чем в советское время. Во-первых, вследствие различия подходов в современном кавказоведении в условиях отказа от марксистской методологии и позитивистской научной парадигмы. Во-вторых, из-за снижения роли центра в организации и координации научных исследований в 1990–2000 е гг. по сравнению с советским периодом, выросших собственных научных школ и институтов на Северном Кавказе.

И все же научный диалог со временем неизбежно должен стать преобладающей формой научных дискуссий. Об этом свидетельствуют постепенные изменения в программах и содержании исторических исследований, нередко объединяющих представителей разных научных учреждений, а также в тематике проводимых конференций и представленных на них научных докладах.

4. Какая мемориальная политика нужна современному Северному Кавказу? И нужна ли она вообще?

Мемориальная политика призвана закрепить определенные интерпретации исторических личностей и событий в памяти общества, что делает ее существование неизбежным в современных условиях. На Северном Кавказе мемориальная политика носит противоречивый характер, а создаваемые ею образы прошлого часто порождают конфликты. Одним из главных предметов разногласий выступают споры об аланском наследии, историческую и политическую составляющих которых детально проанализировал В.А. Шнирельман [Шнирельман, 2006]. Не менее значительны расхождения в оценках событий Кавказской войны. В Карачаево-Черкесской Республике, Кабардино-Балкарской Республике и Республике Адыгея появились памятники, призванные увековечить жертв Кавказской войны. Сама война стала именоваться в ряде публикаций Русско-Кавказской. Напротив, в считающихся «русскими» регионах Северного Кавказа установили памятники генералам и адмиралам русской армии А.П. Ермолову, Г.Х. Зассу, М.П. Лазареву, вызвавшие недовольство адыгских политиков и общественных организаций. Мемориализация Кавказской войны получила этнически выраженный и эмоционально окрашенный характер, усиливая социально-политическую напряженность в регионе. При этом памятники жертвам Кавказской войны стали общими местами памяти для всех адыгов, вне

зависимости от субэтнических различий и разделяющих административных границ, способствуя осознанию постигшей их в прошлом трагедии. Эти чувства, не всегда встречающие понимание у представителей других этносов, выступают основой для общеадыгской национальной консолидации [Хлынина, Кринко, 2014, с. 256].

В 2000-е гг. на Северном Кавказе произошли и другие мемориальные конфликты, получившие значительный общественный резонанс. В частности, это конфликты вокруг мемориального комплекса «Жертвам фашизма» в Змиевской балке в Ростове-на-Дону [см. подробнее: Чевеля, 2013] и памятника «Исход» в Новороссийске [Скандал в Новороссийске, 2015]. Но они не носили системного характера и в основном были следствием отсутствия взаимодействия местных органов власти с общественными организациями и представителями профессионального сообщества.

Мемориальная политика на Северном Кавказе закрепляет травмы памяти народов региона, осложняя перспективы их дальнейшего развития. По словам А. Ассман: «Нация, которая постоянно трактует вызовы будущего в свете невралгических ключевых событий прошлого, остается в плену (или в тени) собственной истории. Чтобы выйти из этого плена, нужно не забыть их, но преобразовать воспоминания о них так, чтобы прошлое утратило характер все заглушающей апелляции, а следовательно, и господства над настоящим» [Ассман, 2011, с. 303]. К сожалению, пока опыт переработки прошлого на Северном Кавказе представляется для этого недостаточным, позволяя говорить о необходимости выработки более взвешенной мемориальной политики.

5. Как этническая память различных народов Северного Кавказа соотносится с большим нарративом Российской истории? Можно ли говорить о случае коммеморативной асимметрии?

В реализации исторической политики на федеральном уровне главное внимание традиционно уделяется истории Российского государства, вследствие чего судьбы отдельных народов, да и вообще этнические сюжеты крайне редко находят здесь свое отражение. Это касается, в том числе, и русского народа, считающегося государствообразующим: только при обращении к начальному периоду истории России говорится о восточных славянах как о предках трех «братских» народов – русских, украинцев и белорусов. В дальнейшем история русского народа практически вытеснена историей многонационального Русского государства. Остальные народы, как правило, появляются в российской истории с момента присоединения их территории и после этого упоминаются крайне редко, в основном, в связи национально-освободительными восстаниями или культурными достижениями. Сама история России преподносится как вечная, успешная и справедливая борьба против бесчисленных врагов, в качестве которых нередко изображаются как прежние и нынешние соседи, так и современные народы России (татары, поляки, турки, немцы и другие).

В регионах Российской Федерации на Северном Кавказе осуществляется собственная историческая политика. При этом в большинстве случаев собственно региональная проблематика подменяется этнической. Главное внимание уделяется

истории «титульных» этносов, давших наименование субъектам: в Республике Адыгея — адыгов, в Республике Ингушетии — ингушей, в Республике Северной Осетии—Алании — осетин, в Чеченской Республике — чеченцев. В Краснодарском крае и Ростовской области эту роль выполняют кубанские и донские казаки. Указанные тенденции находят свое отражение в памятниках и музейных экспозициях, художественных образах и текстах школьных учебников. При этом многими авторами отмечаются тенденции к героизации и удревлению истории отдельных этносов и этносоциальных групп, завышению уровня их общественно-политического, социально-экономического и культурного развития, другие формы самоутверждения, в том числе, за счет соседей, а то и придание им характерных черт образа «врага», что создает почву для формирования новых исторических мифов [Кринко, Хлынина, 2014, с. 373–375].

Особые сложности существуют в субъектах с двумя и более титульными этносами — Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике и Республике Дагестан. Здесь на историческую политику возлагается непростая задача закрепить сложившийся паритет в распределении властных полномочий, политических и социально-экономических взаимоотношений народов. Но реализация данных задач осложняется тем, что разные народы региона проходили различные исторические пути, и механически уравнивать их в мемориальном или образовательном пространстве сложно.

В то же время в исторической политике на Северном Кавказе, как на федеральном, так и на региональном уровне практически не уделяется внимания истории и культуре этнических меньшинств и диаспор региона, даже достаточно крупных. У представителей народов, не имеющих национально-государственных образований в составе Российской Федерации (например, украинцев и азербайджанцев, эстонцев и молдаван, евреев и курдов), значительно меньше возможности заниматься своей историей, что в определенной степени способствует утрате этнической идентичности. Выразителями их интересов выступают национально-культурные организации, которые проводят культурно-просветительские мероприятия и научно-практические конференции, издают книги, брошюры, журналы, газеты и другую печатную продукцию, разрабатывают и создают сайты и другие информационные ресурсы. Нередко и сами представители научного сообщества обращаются за финансовой и организационной поддержкой в проведении исследований к диаспорам Северного Кавказа. Немалый опыт реализации исторических и культурных проектов существует у армянской и украинской национально-культурных организаций в Ростовской области, польской и украинской — в Краснодарском крае и других. Но в основном в их работе участвуют этнические активисты, составляющие незначительную часть от численности диаспоры. Пожалуй, хуже всех в этом отношении организованы русские на Северном Кавказе. И, хотя в условиях обострения межэтнических противоречий в регионе в начале 1990-х гг. был создан ряд организаций, призванных выражать и защищать их интересы, они обычно скрывались под названием общеславянских (например, «Союз славян Адыгеи»): отстаивание

национальных интересов русских часто ассоциируется с шовинизмом, отталкивая многих интеллектуалов.

Таким образом, историческая политика на Северном Кавказе носит асимметричный характер на всех уровнях, создавая предпосылки для возникновения противоречий и конфликтов. Прошлое остается полем битвы, выполняя дестабилизирующую функцию. Между тем, только превращение истории в интегрирующий фактор может стать фактором успешного развития региона и страны в целом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920-е–1940-е годы. М.: Кучково поле, 2008. 384 с.
- Голубев А.В. «Подлинный лик заграницы»: Образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941 гг. М.: ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2018. 282 с.
- Голубев А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. М.: ИРИ РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 238 с.
- Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. 392 с.
- Земля адыгов. Майкоп: Качество, 1996. 747 с.
- Интервью с Виктором Владимировичем Черноусом (1949–2018). Интервьюеры: Е.М. Горюшина, Е.Ф. Кринко. 8 ноября 2017 г.
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. 659 с.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.
- Невежин В.А. «Если завтра в поход...». М.: Яуза, Эксмо, 2007. 320 с.
- Оболенская С.В. Германия глазами русских (XIX век). М.: ИВИ РАН, 2000. 209 с.
- Россия и внешний мир: диалог культур. М.: ИРИ РАН, 1997. 296 с.
- Россия и Европа в XIX – XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сборник научных трудов. М.: ИРИ РАН, 1996. 228 с. М., 1996.
- Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М.: ИРИ РАН, 1998. 335 с.
- Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Выпуск первый. М.: ИРИ РАН, 2000. 365 с.
- Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Выпуск второй. М.: ИРИ РАН, 2002. 411 с.
- Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Выпуск третий. М.: ИРИ РАН, 2006. 399 с.

- Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Выпуск четвертый. М.: ИРИ РАН, 2007. 447 с.
- Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Выпуск пятый. М.: ИРИ РАН, 2009. 447 с. 466 с.
- Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Выпуск шестой. М.: ИРИ РАН, 2012. 471 с.
- Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Выпуск седьмой. М.: ИРИ РАН, 2016. 429 с.
- Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Выпуск восьмой. М.: ИРИ РАН, 2017. 400 с.
- Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Тезисы докладов всероссийской научной конференции (Москва, 25–26 ноября 2008 года). М.: ИРИ РАН, 2008. 255 с.
- Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
- Скандал в Новороссийске: осквернивших «Исход» лишит права на День Победы // Regnum.ru. Информационное агентство. 2015, 8 апреля. URL: <https://regnum.ru/news/1913401.html> (дата обращения – 10 июля 2018 г.).
- Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945 – 1954. М.: ИРИ РАН, 1999. 261 с.
- Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 434 с.
- Чевеля Я. Змиевская балка: вопреки. Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. 463 с.
- Чугров С.В. Россия и Запад: метаморфозы восприятия М.: Наука, 1993. 140 с.
- Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. Москва – Майкоп: Издательство АГУ, 2010. 280 с.
- Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.

REFERENCES

- Golubev A.V. *“Esli mir obrushitsya na nashu Respubliku”*: *Sovetskoe obshchestvo i vneshnyaya ugroza v 1920-e – 1940-e gody* [“If the world collapses on our Republic”: Soviet society and external threat in the 1920s – 1940s]. Moscow: Kuchkovo pole, 2008. 384 p. (in Russian).
- Golubev A.V. *“Podlinnyj lik zagranicy”*: *Obraz vneshnego mira v sovetskoj politicheskoj karikature, 1922–1941 gg.* [“The true face of abroad”: The image of the external world in the Soviet political cartoon, 1922–1941]. Moscow: IRH RAS, Centre of Humanitarian Initiatives, 2018. 282 p. (in Russian).
- Golubev A.V., Nevezhin V.A. *Formirovanie obraza Sovetskoj Rossii v okruzhayushchem mire sredstvami kul’turnoj diplomatii, 1920-e – pervaya polovina 1940-h gg.* [Formation of the

image of Soviet Russia in the surrounding world by means of cultural diplomacy, 1920s – first half of the 1940s]. Moscow: IRH RAS: Centre of Humanitarian Initiatives, 2016. 238 p. (in Russian).

Golubev A.V., Porshneva O.S. *Obraz soyuznika v soznanii rossijskogo obshchestva v kontekste mirovyh vojn* [The image of the ally in the consciousness of Russian society in the context of world wars]. Moscow: Novyj hronograf, 2012. 392 p. (in Russian).

Zemlya adygov [Land of the Adygs]. Maykop: Kachestvo, 1996. 747 p. (in Russian).

Interview with Viktor Vladimirovich Chernousov (1949–2018). Interviewers: E.M. Goriushina, E.F. Krinko. November 8, 2017 (in Russian).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.) [History of the peoples of the Northern Caucasus (end of the XVIII century – 1917)]. Moscow: Nauka, 1988. 659 p. (in Russian).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen do konca XVIII v. [History of the peoples of the Northern Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century]. Moscow: Nauka, 1988. 544 p. (in Russian).

Nevezhin V. A. *“Esli zavtra v pohod...”* [“If tomorrow is a hike...”]. Moscow: Yauza, Eksmo, 2007. 320 p. (in Russian).

Obolenskaya S. V. *Germaniya glazami rusских (XIX vek)* [Germany through the eyes of Russians (XIX century)]. Moscow: IWH RAS, 2000. 209 p. (in Russian).

Rossiya i vneshnij mir: dialog kul'tur [Russia and the outside world: a dialogue of cultures]. Moscow: IRH RAS, 1997. 296 p. (in Russian).

Rossiya i Evropa v XIX–XX vekah. Problemy vzaimovospriyatiya narodov, sociumov, kul'tur. Sbornik nauchnyh trudov [Russia and Europe in the XIX–XX centuries. Problems of mutual perception of peoples, societies, cultures. Collection of scientific papers]. Moscow: IRH RAS, 1996. 228 p. (in Russian).

Rossiya i Zapad: formirovanie vneshnepoliticheskikh stereotipov v soznanii rossijskogo obshchestva pervoj poloviny XX veka [Russia and the West: the formation of foreign policy stereotypes in the minds of Russian society in the first half of the 20th century]. Moscow: IRH RAS, 1998. 335 p. (in Russian).

Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya [Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual perception]. Issue the first. Moscow: IRH RAS, 2000. 365 p. (Russian).

Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya [Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual perception]. Issue the second. Moscow: IRH RAS, 2002. 411 p. (in Russian).

Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya [Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual perception]. Issue the third. Moscow: IRH RAS, 2006. 399 p. (Russian).

Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya [Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual perception]. Issue the fourth. Moscow: IRH RAS, 2007. 447 p. (in Russian).

Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya [Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual perception]. Issue the fifth. Moscow: IRH RAS, 2009. 466 p. (in Russian).

Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya [Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual perception]. Issue of the sixth. Moscow: IRH RAS, 2012. 471 p. (in Russian).

Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya [Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual perception]. Issue of the seventh. Moscow: IRH RAS, 2016. 429 p. (in Russian).

Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya [Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual perception]. Issue of the eighth. Moscow: IRH RAS, 2017. 400 p. (in Russian).

Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya [Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual perception]. Abstracts of the All-Russian Scientific Conference (Moscow, November 25–26, 2008). Moscow: IRH RAS, 2008. 255 p. (in Russian).

Senyavskaya E. S. *Protivniki Rossii v voynah XX veka: ehvolyuciya "obraza vraga" v soznanii armii i obshchestva* [Opponents of Russia in the wars of the XX century: the evolution of the "enemy image" in the minds of the army and society]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 288 p. (in Russian).

Skandal v Novorossiyske: oskvernivshih "Iskhod" lishit' prava na Den' Pobedy [Scandal in Novorossiysk: defiled the "Exodus" to deprive the right to Victory Day], in Regnum.ru. Information Agency. 2015, 8 April. Available at: <https://regnum.ru/news/1913401.html> (accessed July 10, 2018) (in Russian).

Fateev A. V. *Obraz vraga v sovetskoj propagande. 1945–1954* [The image of the enemy in Soviet propaganda. 1945–1954]. Moscow: IRH RAS, 1999. 261 p. (in Russian).

Khlynina T. P., Krinko E. F. *Istoriya, politika i naciestroitel'stvo na Severnom Kavkaze* [History, Policy and Nation Building in the Northern Caucasus. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2014. 434 p. (in Russian).

Chevelya Y. *Zmievskaia balka: vopreki* [Zmievskaia Balka: in spite of]. Rostov-on-Don: Feniks, 2013. 463 p. (in Russian).

Chugrov S. V. *Rossiya i Zapad: metamorfozy vospriyatiya* [Russia and the West: metamorphoses of perception]. Moscow: Nauka, 1993. 140 p. (in Russian).

Sheugzhen E. A. *Adygi (cherkesy) v prostranstve istoricheskoy pamyati* [Adygi (Circassians) in the space of historical memory]. Moscow – Maykop: Publisher ASU, 2010. 280 p. (in Russian).

Shnirelman V. A. *Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [To being Alans: Intellectuals and Politics in the Northern Caucasus in the Twentieth Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 696 p. (in Russian).

Такое разное прошлое: коммуникативный разрыв и другие вызовы для современного кавказоведения¹

В.В. Цибенко

Such Different Past: Communicative Gap and Other Challenges for Modern Caucasus

V.V. Tsybenko

1. Почему прошлое региона регулярно актуализируется в политическом и публичном дискурсе?

Прошлое Северного Кавказа регулярно актуализируется в политическом и публичном дискурсе региона, шире – Юга России, и это естественный процесс осмысления и переосмысления собственной истории. А вот говорить об аналогичной ситуации в масштабах страны не приходится. Напротив, наблюдается существенный недостаток внимания к северокавказской проблематике и объективной подаче информации на федеральном уровне, дисбаланс в освещении общественно значимых вопросов истории разных регионов страны.

Так, образ Северного Кавказа усилиями СМИ 1990-х гг. в общественном сознании экзотизировался и сузился до Чеченской Республики, реже – Северо-Восточного Кавказа. В итоге, Северный Кавказ в публичном дискурсе превратился в дикую terra incognita, населенную вооруженными исламистами и коррупционерами, живущую по законам шариата, лояльность которой федеральный центр покупает за дотации из федерального бюджета. В широкое распространение, особенно среди молодежи Москвы и Санкт-Петербурга, вошел лозунг «Хватит кормить Кавказ».

Цибенко Вероника Витальевна, кандидат исторических наук, директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований Южного федерального университета, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, tsibenkovv@sfnedu.ru.

Tsybenko Veronika V., Candidate of Science (History), Director of the Center for Interdisciplinary Humanitarian Studies, Southern Federal University, 160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia, tsibenkovv@sfnedu.ru.

¹ Работа поддержана Министерством образования и науки РФ в рамках государственного задания в сфере научной деятельности № 30.2875.2017/8.9.

Очевидно, что при такой постановке вопроса вывод северокавказской проблематики за пределы регионального экспертного дискурса приобретает витальное для страны значение. Однако это не означает призыва к лоббированию на федеральном уровне позиций одной или нескольких из множества конкурирующих кавказоведческих школ, а только признание необходимости широкого общественного обсуждения с участием специалистов в области истории, экономики, политики Северного Кавказа.

2. Каковы эффекты (политические, общественно-психологические, историографические) использования прошлого в качестве символического ресурса федеральными и региональными властями?

На данный момент федеральные власти не задействуют прошлое Северного Кавказа в качестве символического ресурса, речь идет скорее о запоздалых попытках реагировать на возникший еще на закате СССР хаос конфликтующих трактовок истории. Об эффектах этих шагов (например, разработки и внедрения единого историко-культурного стандарта и соответствующих учебно-методических комплексов по отечественной истории) судить еще рано, однако их эффективность находится в прямой зависимости от того, будет ли достигнут общественный консенсус по ключевым и наиболее острым вопросам истории.

Следует также отметить, что сохранившееся с советского времени во многом по инерции празднование юбилейных дат «добровольного вхождения» кавказских народов в состав России, воспринимаемое местными элитами как необходимое проявление лояльности федеральному центру, давно уже дает обратный от ожидаемого эффект. В условиях доминирования в кавказских республиках тезиса о насильственном и кровавом (вплоть до геноцида) включении Кавказа в состав Российской империи, противоречащие версии, «спускаемые» сверху, подрывают авторитет и региональных, и федеральных властей, вызывают критику и протесты, способствуют росту молодежного оппозиционного активизма.

В свою очередь, региональные власти с 90-х гг. XX в. активно поддерживают виктимизированные формы памяти и конструируют образ общего мифологизированного врага для этнонациональной мобилизации, используя национализм как «дешевый ресурс» по Э. Хобсбауму [Хобсбаум, 2002, с. 373]. Кроме того, сложившиеся в советский и постсоветский периоды национальные историографические школы становятся опорой для местных элит в их требованиях преференций в конкуренции с другими кавказскими этническими группами, проявляющейся как в борьбе в символической сфере, так и во вполне реальных конфликтах, прежде всего — земельных.

3. Закончилась ли «кавказская война историографий»?

«Кавказская война историографий» еще далека от завершения, хотя одна из сторон настойчиво ищет мира — такой вывод был сделан мною по результатам сравнительного анализа российской, турецкой и западной историографий «Кавказской

войны» [Tsibenko, 2015; Цибенко, 2017]. Как показало исследование, приверженность собственным историографическим традициям, языковые барьеры и отсутствие интереса к иным точкам зрения приводят к взаимной глухоте. В итоге появляются диаметрально противоположные подходы в оценке истории Кавказа, о существовании большей части из которых кавказоведы разных стран даже не подозревают. Различаются теоретическая база, терминологический аппарат, подбор источников, хронология.

Ситуация осложняется еще более наличием многочисленных и конфликтующих друг с другом «кавказских» школ историографии, которые характеризуются этноцентризмом, развитой виктимностью и противопоставляют себя «официальным» институтам с их подходами к кавказской истории. Это отчетливо проявляется в России, Турции и некоторых других странах.

При этом только в России наблюдаются попытки кавказоведов преодолеть разобщенность, примирить враждующие лагеря, деполитизировать острые вопросы кавказской истории и прекратить «войны памяти», выработать единые критерии научности для кавказоведения. Среди конкретных инициатив можно отметить Хартию и Этический кодекс историков-кавказоведов, утвержденные на форумах историков-кавказоведов.

4. Какая мемориальная политика нужна современному Северному Кавказу? И нужна ли она вообще?

В последнее время складывается устойчивое ощущение, что в кавказские вопросы вкладывают слишком много политики. Причем там, где ответы кроются в экономике, демографии и прочих «земных» вещах. Если считать, что без мемориальной политики все же не обойтись, то пусть она будет продуманная, взвешенная, последовательная, учитывающая сложный, мозаичный этнорелигиозный состав региона и множественность трактовок прошлого кавказскими народами. Ключевым должен стать принцип «Не навреди».

Каким образом можно сгладить бинарную оппозицию «свой-чужой», «друг-враг», не используя при этом несущий лишь кратковременный эффект метод сближения через поиск внешнего врага? На мой взгляд, решение кроется в создании общего коммуникативного пространства, которое позволит перейти от монологичности к диалогичности.

Однако признание всеми сторонами права другого на собственную память означает одновременно и сдержанность в публичных проявлениях этой памяти, если она оскорбляет чувства коллективного другого – соседа, с которым лучше худой мир, чем добрая ссора. Диалог невозможен при предъявлении бесконечной череды взаимных обвинений, он предполагает попытку понять чужую позицию и прийти к компромиссу. Главная задача властей и экспертного/исследовательского сообщества – обеспечение возможности для такого диалога и выработка простых и понятных правил его ведения.

5. Как этническая память различных народов Северного Кавказа соотносится с большим нарративом Российской истории? Можно ли говорить о случае коммеморативной асимметрии?

Указание на асимметрию несет в себе скрытое предположение дисгармонии сложившейся ситуации, предлагает устранить дисбаланс. Однако, что это означает на практике? Проводить на каждое мемориальное мероприятие или конференцию северокавказских народов ответное (а лучше два), воздвигать памятники воевавшим друг против друга и ставить церковь напротив мечети (и наоборот)? Кроме как к межэтнической и межрелигиозной розни такая «коммеморативная симметрия» ни к чему привести не может.

В идеал-типической модели российской и кавказский (кавказские) нарративы находятся не в состоянии противопоставления большой-малый, а в отношении целое-часть. Это означает, что общероссийский дискурс вбирает в себя локальные дискурсы, происходит взаимное влияние и взаимное обогащение, а также согласование противоречий.

Однако реальность далека от идеала. В настоящий момент можно наблюдать, как формируется северокавказская контр-история, выросшая из советской идеологемы борьбы против колониального гнета царизма, но сменившая классовый подход на этнонациональный, опрокинутый в имперское и советское прошлое. Теперь места трудящихся и угнетенных заняли, соответственно, кавказцы и русские, последние из которых обвиняются в совершении с XVI по XXI века серии этноцидов.

Попытки давления на местные элиты с целью привести в соответствие «большой» и «малый» нарративы порождают лишь иммитационные практики. В качестве примера можно указать на памятники жертвам Кавказской войны, установленные в северокавказских городах Нальчик (2004 г.), Майкоп (2013 г.), Черкесск (2017 г.). Хотя их названия вполне безобидны и предполагают единение народов перед общей болью потерь (в связи с чем не вызывают возмущения федеральных властей), в действительности они служат для коммеморации «геноцида и изгнания» черкесов русскими в ходе «столетней русско-кавказской войны» (1763–1864).

В соответствии с этим, 21 мая в день окончания Кавказской войны, отмечаемый как «День памяти жертв Кавказской войны» черкесами России и многочисленной диаспоры, эти мемориальные места становятся эпицентрами черкесской национальной мобилизации. По сути, они превращаются в аналог могилы Неизвестного солдата как символа современной культуры национализма – именно так описывал ее Бенедикт Андерсон в своем программном труде «Воображаемые сообщества» [Андерсон, 2016, с. 51–52].

Каким же образом можно преодолеть нарастающее напряжение, вызываемое и кризисными явлениями в масштабах страны, и нарождающимися национализмами, вступающими в острую конкуренцию? Вопрос слишком сложен для простых ответов. Тем не менее, можно с уверенностью сказать: пока не будет преодолен коммуникативный разрыв, связи в системе будут ослаблены или разорваны, а дезинтеграция продолжится. Хорошо, если только в области историографии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Андресон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 332–346.

Цибенко В.В. Восприятие «Кавказской войны» в западной и турецкой историографии // Кавказология. 2017. № 4. С. 84–94.

Tsibenko V. The War which was not: Russian, Turkish and Western Historiography on the North-Western Caucasus of the 19th Century // Bylye Gody. 2016. Vol. 42. Is. 4. Pp. 1148–1157.

REFERENCES

Andreson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranении nacionalizma* [Imagined community. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 416 p. (in Russian).

Hobsbaum E. Princip etnicheskoy prinadlezhnosti i nacionalizm v sovremennoj Evrope [The principle of ethnicity and nationalism in modern Europe] // *Nacii i nacionalizm*. Moscow: Praksis, 2002. Pp. 332–346 (in Russian).

Tsibenko V.V. Vospriyatie «Kavkazskoj vojny» v zapadnoj i tureckoj istoriografii [Perception of «Caucasian war» in Western and Turkish historiography] , in *Kavkazologiya*. 2017. № 4. Pp. 84–94 (in Russian).

Tsibenko V. The War which was not: Russian, Turkish and Western Historiography on the North-Western Caucasus of the 19th Century, in Bylye Gody. 2016. Vol. 42. Is. 4. Pp. 1148–1157 (in Russian).

Неудобная память

В.А. Шнирельман

Inconvenient Memory

V.A. Shnirelman

1. Почему прошлое региона регулярно актуализируется в политическом и публичном дискурсе?

Болезненная увлеченность прошлым вплоть до «ностальгии по прошлому» — это показатели определенных неустроенности и недовольства, выражение неоправдавшихся надежд и неудовлетворенности настоящим положением дел, особенно в том случае, если люди чувствуют свою отчужденность от политики, которая вершится без их ведома. В этих условиях обсуждение прошлого служит символическим языком, с помощью которого люди иной раз предпочитают говорить о проблемах, затрагивающих болезненные сферы жизни общества. Так как такие дискуссии задевают интересы либо весьма влиятельных или наделенных властью особ, либо целых этнических групп, далеко не каждый осмелится прямо об этом высказываться, да и в общественном мнении это может считаться неуместным и не поощряется. Поэтому и приходится прибегать к метафорическому языку. Здесь возможны варианты — люди либо обращаются к событиям, происходившим в другой стране (классическим примером являются рассуждения Монтескье о Персии), либо действие переносится в далекое будущее или на другие планеты (так поступают писатели-фантасты), либо анализируются исторические примеры, представляющиеся определенным аналогом настоящему (если не говорить о политических анекдотах, выполняющих сходную функцию).

Шнирельман Виктор Александрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, 119334, г. Москва, Ленинский просп. 32-А, shnirv@mail.ru.

Shnirelman Victor A., Doctor of Science (History), Senior Researcher in the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 32-A, Leninsky prospect, Moscow, 119334, Russia, shnirv@mail.ru.

Именно последний случай имеет отношение к настоящей дискуссии. Впрочем, в данном контексте история обладает еще двумя функциями: во-первых, обращение к славе идеализированных предков способно придать людям силы, обрести самоуважение, послужить успешной мобилизации общества для решения каких-либо насущных задач; а во-вторых, если речь идет о постигшей общество в прошлом катастрофе, то такая травматическая память тоже помогает сплотиться в силу общих перенесенных в прошлом страданий, а кроме того, наделяет чувством особости и моральным правом на возмещение за свои страдания.

Сегодня трудно назвать Северный Кавказ благополучным регионом. Регион в целом является дотационным, причем здесь находятся одни из самых дотационных республик в России. При этом регулярно направляемые туда огромные финансовые потоки больших улучшений не приносят из-за запредельной коррупции. А инфраструктура остается неразвитой, царит высокая безработица, в особенности среди молодежи. Не решены и многие этнические проблемы, давшие о себе знать в начале 1990-х гг. Сегодня они лишь ушли в тень, но не исчезли, и люди их по-прежнему болезненно ощущают.

Все это и создает почву для расцвета исторической памяти, и в таких случаях она актуализируется. Одной из ее особенностей является ее избирательность – внимание концентрируется лишь на тех исторических событиях, которые представляются людям наиболее значимыми. К таковым на Северном Кавказе относятся, во-первых, Кавказская война XIX в., во-вторых, депортации 1940-х гг., а в-третьих, события 1990-х гг. (этнические конфликты, война в Чечне) и сравнительно недавние теракты, унесшие множество жизней. Все это – по большей части травматическая память, взывающая к искуплению и требующая возмещения за страдания и понесенный ущерб. Кроме того, имплицитно или эксплицитно она включает и образ врага, который иной раз способен актуализироваться.

В постсоветское время в различных регионах Северного Кавказа были возведены величественные монументы, предназначенные для проведения дней скорби и взывающие к этой памяти. Но сегодня она по политическим причинам в ряде республик подавляется. В то же время и в федеральном центре она не приветствуется, ибо напоминает о темных страницах прошлого, которые кое-кому хочется забыть. Поэтому в новых школьных учебниках по истории о Кавказской войне говорится мельком, и не обсуждаются ее тяжелые последствия для горцев; в них почти ничего не говорится о депортации народов, а на широко разрекламированной выставке в московском Манеже, посвященной эпохе Романовых (2013 г.), материалы о Кавказской войне и ее последствиях (мухаджирстве) блистательно отсутствовали¹. Между тем, сегодня Министерство просвещения настоятельно рекомендует

¹ Об этой выставке см.: Шнирельман В.А. История России для народа: Выставки в московском Манеже в 2013-2016 гг. // Историческая экспертиза, 2018. URL: http://istorex.ru/page/shnirelman_va_istoriya_rossii_dlya_naroda_vistavki_v_moskovskom_manezhe_v_2013-2016_gg (дата обращения – 01 июня 2018 г.).

учителям знакомить школьников с историей по материалам этой выставки, получившей постоянную площадку на ВДНХ. Все это не может не порождать недовольства на Северном Кавказе и подливает масла в огонь исторической памяти.

Несколько меньшим спросом пользуются более ранние эпохи, откуда люди черпают данные (реальные или воображенные) о славе далеких предков, связанных для кого-то с древними или средневековыми тюрками, для кого-то с аланами, а для кого-то с создателями иных местных государств (например, Кавказской Албании).

2. Каковы эффекты (политические, общественно-психологические, историографические) использования прошлого в качестве символического ресурса федеральными и региональными властями?

Давно установлено, что доминирующее большинство или та группа, в руках которой находится реальная власть в стране, заинтересованы в интегрированной версии истории, работающей на единство страны. Зато те группы, которые пережили историческую травму, утратили свою раннюю государственность или свое высокое социальное положение, превратились в демографическое меньшинство или ощущают какое-либо ущемление своих прав (снижение социального статуса, утрату территории, разделение народа недавно возникшей государственной границей, депрессивное состояние экономики, дискриминацию и пр.), претендуют на свою собственную версию истории. В частности, ряд историков из северокавказских республик выступают против реабилитации политики царизма на Северном Кавказе.

Сегодня даже в высокоразвитых странах Запада, многие из которых начали осознавать свою поликультурность и полиэтничность, историки понимают, что выработать единую непротиворечивую версию истории («большой нарратив»), с которой бы все согласились, оказывается невозможно [Schlesinger, 1998]. Ведь надо учитывать, что за разными версиями прошлого стоят отношения социального или политического неравенства и ощущение несправедливости, допущенной в прошлом или имеющей место сегодня.

Действительно, о какой общей истории может идти речь в стране, где 23 февраля празднуется основной массой населения как День защитника Отечества, а чеченцы и ингуши вспоминают, как именно в этот день они были отправлены в депортацию? И где балкарцы были отправлены в депортацию 8 марта, т.е. в Международный женский день? Ясно, что потомки депортированных понимают эти даты совсем иначе, чем остальное население. И никакие «креативные мифы» дело не исправят.

Понимая все это, федеральная власть стремится пригасить такую неудобную память, и сегодня власти некоторых республик согласно выполняют это пожелание. А это не может не вызывать конфликты. Последним громким скандалом было дело бывшего председателя Совета старейшин черкесов-шапсугов Руслана Гвашева, привлеченного в 2017 г. к суду за попытку организовать молебен в память о жертвах Кавказской войны.

3. Закончилась ли «кавказская война историографий»? Возможно ли ее окончание?

Война историографий продолжается. В свое время я проанализировал «аланский миф», пытаясь показать разрушительную роль «этногенетической политики», создающей идеологическую подоснову для этнических конфликтов. Между тем, воз и ныне там. Различные взаимоисключающие версии «аланского мифа» продолжают культивироваться в соседних республиках. Еще больше страстей бушует по поводу трактовок Кавказской войны, и сегодня сформировались целые исторические школы, упорно отстаивающие свою версию событий и не согласные идти ни на какие уступки. Причем некоторые историки пытаются оправдывать завоевательную политику царизма, называя ее «естественным расширением государства» и фактически обвиняя горцев в сопротивлении этому. Надо ли удивляться тому, что это вызывает возмущение на Северном Кавказе?

Думаю, для окончания таких «историографических войн» нужны две вещи. Во-первых, поскольку, как отмечалось выше, обсуждение прошлого является символическим языком, потребность в котором вызывается социальным неблагополучием, остро необходимо кардинально улучшить экономическую и социальную ситуацию в республиках Северного Кавказа. Причем, как показывает опыт, одних финансовых вливаний недостаточно; нужны совершенно иные политические и социальные меры, включающие прежде всего развитие гражданского общества и местного самоуправления. Без этого потребность в таком символическом языке не исчезнет сама собой. Кстати, в США гражданское общество и крепкая национальная идентичность успешно существуют при отсутствии какого-либо разделяемого всеми «большого нарратива».

Во-вторых, необходим честный и уважительный диалог между историками соседних республик или выходцами из соседних этнических групп. Такой диалог кое-где начинался на рубеже 1980–1990-х гг., но суровые этнические конфликты того времени свели его на нет. Между тем, как показывает диалог, проводившийся израильскими и палестинскими учеными в течение последних 10–15 лет [Scham, Yahya, 2003; Yahya, 2010; Scham, Pogrund, Ghanem, 2013], такие контакты и обсуждения могут сдвинуть дело с мертвой точки и дать позитивный эффект. Следует не табуировать иные взгляды на историю (как это происходит в некоторых республиках), а проводить открытые дискуссии между оппонентами, не замалчивая неудобные исторические факты. В то же время следует учитывать роль исторических нарративов в формировании этнической идентичности.

В то же время не надо быть наивными. Споры между соседними народами о некоторых ключевых событиях истории — это нормальное явление. Они происходят повсюду. Напомню, что принятая в 2014 г. на конференции в Ростове-на-Дону «Хартия историка-кавказоведа» не погасила страсти, и «историографические войны» продолжают. Похоже, что трагические события истории, очень по-разному сказавшиеся на участвовавших в них сторонах, настолько глубоко затрагивают

нынешние интересы таких групп, что найти устраивающее всех решение оказывается проблематичным. Отсюда и неизбежное продолжение споров. Просто следует вести их профессионально и не доводить до «горячей фазы».

Кроме того, не в одних историках дело. Ведь не историки инициировали требование о переименовании Южной Осетии в Аланию или строительство Аланских ворот в Магасе. Уместно также напомнить, что в одних местах Северного Кавказа вспоминают жертв политических репрессий, а в других — прославляют Сталина. Иными словами, трагические страницы истории не проработаны и не обсуждены, а потому остаются кровоточащими ранами и способны вызывать конфликты.

4. Какая мемориальная политика нужна современному Северному Кавказу? И нужна ли она вообще?

Требуется проявлять уважение к драматическому и в чем-то, безусловно, трагическому прошлому народов Северного Кавказа. Необходимо признать их право на проведение мемориальных мероприятий в Дни скорби, отдать дань уважения их памяти о своих предках и их территории (разумеется, реальных, т. е. подтвержденных документально, а не выдуманных), признать их право на свое видение прошлого, шире популяризировать их историю. Например, в 1993 г. в Австралии был принят закон, подтвердивший право австралийских аборигенов на свою территорию. Думаю, можно было бы принять такой закон и в отношении Северного Кавказа, что позволило бы решить спор между казаками и адыгами по поводу Кубани и Черноморского побережья, где до конца XVIII в. проживали предки адыгов (и, отчасти, ногайцев). Кроме того, представители Северного Кавказа неоднократно требовали принятия закона об уголовной ответственности за оправдание депортации. Но такой закон так и не был принят. А тем временем сюжеты с оправданием депортации время от времени появляются даже на телеэкранах.

В то же время необходимо проанализировать мемориальные церемонии и понять, усугубляют ли они или, напротив, снимают горечь воспоминаний о трагических страницах прошлого и что надо сделать, чтобы память о былых страданиях не порождала социальную напряженность сегодня.

Достойны обсуждения вопросы о том, надо ли возводить в регионе памятники, вызывающие негативные чувства у местного населения, как, скажем, памятники генералу Ермолову или адмиралу Лазареву? Ведь на Северном Кавказе уже говорят о «войне памятников». И надо ли было в Москве включать в состав метропоезда «Великие полководцы» вагон, посвященный памяти Ермолова («носителя имперского духа»), как это сделали в московском метро в 2016 г. по инициативе Военно-исторического общества?

Следует признать ошибочным исключение регионального компонента из школьной программы — другое дело, что курсы местных историй должны быть хорошо продуманы и надежно обоснованы источниками, избегая этноцентризма, который

ранее наносил ущерб региональному компоненту¹. Для этого следовало бы создать комиссию по истории Северного Кавказа, состоящую из высокопрофессиональных специалистов-историков (как местных, так и из других российских центров), которые бы предметно обсуждали и утверждали (или не утверждали) курсы местных историй для преподавания в школе. Думаю, что одной из важнейших целей преподавания местной (региональной) истории должно быть воспитание уважения и толерантного отношения к культурному разнообразию.

5. Как этническая память различных народов Северного Кавказа соотносится с большим нарративом Российской истории? Можно ли говорить о случае коммеморативной асимметрии?

Мне представляется, что никакого единого большого нарратива российской истории сегодня нет. Об этом говорит хотя бы тот факт, что единого школьного учебника до сих пор так и не удалось создать. И если на историков не будет оказано сильное давление извне, то и не удастся, так как российская история очень богата и очень разнообразна, а многие факты (причем принципиально важные!) допускают различную трактовку, что и порождает нескончаемые споры между историками. Это в особенности касается региональных историй, историй отдельных республик и этнических групп. Думаю, что имперский исторический нарратив, который сегодня становится популярным, лишь усугубляет положение, так как он вступает в конфликт с местными версиями истории, которые никуда не исчезают и не исчезнут, а лишь на время уйдут в подполье и затаятся. И если сегодня они кажутся маргинальными, завтра они могут снова войти в силу, ибо имеют определенный общественный спрос.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Schlesinger A. M., Jr. The disuniting of America. Reflections on a multicultural society. New York: W. W. Norton & Co., 1998. 207 p.

Scham S.A., Yahya A. Heritage and reconciliation // *Journal of Social Archaeology*. 2003. Vol. 3. № 3. Pp. 399–416.

Yahya A. The Palestinian-Israeli draft agreement on archaeological heritage // *Present Pasts*. 2010. Vol. 2. № 1. Pp. 72–74.

Scham P., Pogrund B., Ghanem A. Introduction to Shared Narratives – A Palestinian–Israeli Dialogue // *Israel Studies*. 2013. Vol. 18. № 2. Pp. 1–10.

¹ Об этом см.: Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов. М.: АИРО–XX, 1999; Шнирельман В.А. Очарование седой древности: мифы о происхождении в современных учебниках // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 37. С. 79–87.

REFERENCES

- Schlesinger A. M., Jr. *The disuniting of America. Reflections on a multicultural society*. New York: W.W. Norton & Co., 1998. 207 p.
- Scham S.A., Yahya A. Heritage and reconciliation, in *Journal of Social Archaeology*. 2003. Vol. 3. № 3. Pp. 399–416.
- Yahya A. The Palestinian-Israeli draft agreement on archaeological heritage, in *Present Pasts*. 2010. Vol. 2. № 1. Pp. 72–74.
- Scham P., Pogrud B., Ghanem A. Introduction to Shared Narratives – A Palestinian–Israeli Dialogue, in *Israel Studies*. 2013. Vol. 18. № 2. Pp. 1–10.